

15 АВГУСТА — ДЕНЬ АРХЕОЛОГА

Исповедь путешественника во времени

Для известного в стране и зарубежье историка-востоковеда, историографа, археолога и палеоастронома Виталия Епифановича Ларичева минувший год 2012-й стал четвертью юбилейным:

главный рубеж — 80-летие;

но и, помимо того, 50 лет непрерывной работы в Сибирском отделении АН СССР и СО РАН, сначала в Институте истории, филологии и философии, а затем в Институте археологии и этнографии;

40 лет творческого труда в статусе доктора исторических наук;

50-летие выхода в свет первой (из множества последующих) статьи в газете «За науку в Сибири» «Дорогами землепроходцев» (очерк о начале исследований сибирских археологов в зоне затопления Зейской ГЭС). Выходит, В.Е. Ларичев — старейший среди археологов автор нашей газеты и, понятно, редакция никак не могла обойти вниманием столь примечательный факт.

Наступил 2013 год, и опять череда юбилеев:

60-й, без перерыва ни на год полевой экспедиционный сезон (первый, 1953 года, студенческий, третьего курса Восточного факультета Ленинградского университета (кафедра «История Дальнего Востока») — вёл раскопки в зоне затопления Иркутской ГЭС, а затем, в тот же год, на Дальнем Востоке, в Приамурье и Приморье;

45 лет назад вышла в свет научно-популярная книга, посвящённая путешествиям по степям и пустыням Центральной Азии; грядет юбилей 60-летия выхода в свет первых научных статей (из сотен в последующем).

На днях случайно встретил его в коридоре издательства. Наскорю перебросились репликами:

— Публикуете очередную книгу? Какая по счёту?

Досадливо машет рукой:

— Суеверен, не считаю. Теперь заботы иные, чем прежде. Как бы это, следуя моде, правильнее сказать, — «либеральные», что ли? Или, лучше, пожалуй, «демократические». Нужны деньги на редактирование рукописи и печатание. По этому случаю спешу на деликатные переговоры с издательством.

— В поле едете? А интервью можно? Экспедиция, слышал, предстоит не рядовая, а юбилейная, шестидесятая. Какникак, завершаете «Звериный временной круг» восточных мудрецов...

Истоки

— Как зарождается у человека интерес к археологии? Про себя могу сказать точно — мальчишкой после 2-го класса прочёл книгу некоего Ларичева «Азия далекая и таинственная: очерки путешествий за древностями по Монголии». К последней главе понял — учиться буду в НГУ и обязательно стану археологом. Там, на гуманитарном факультете, читает лекции академик Окладников, руководитель экспедиций в Центральной Азии. С ним поеду в Гоби или на Орхон, в степную столицу чингизидов. Правда, путешествовать по Монголии с самим Алексеем Павловичем так и не успел, зато с автором «Таинственной...» — неоднократно и в одной машине. Итак, про себя знаю, как случается такое. А у вас что было?

— У меня, как теперь любят говорить юные, происходило круче, и не прямо, а наоборот — криво и весьма окольно. Определял жизненный путь в последние два года до получения «аттестата зрелости». Перебирал варианты, примеривал к ним желания и кри-

тически оценивал свои способности, чтобы мечты не остались пустыми грёзами.

Теперь осознаю — детские фантазии были обречённо несбыточными. А виноваты пристрастия, порождённые книгами. В школьные годы читал запоем всё, что находил в семейной, школьной, хуторской и станичной библиотеках. Я родом из донских земель, а там всегда любили и ценили знания. Это он, вольнолюбивый край, изуродованный до неузнаваемости и, опасаясь, сложенный навсегда кровавым экспериментом, породил великого Шолохова, станица которого, Вёшенская, находилась в нескольких десятках километров от станицы Глазуновской, моего родового гнезда, где я завершал учёбу в последние три года. На хуторе Карагичев, где жил до того, была семилетка, вот и пришлось вернуться на прародину семейного клана, в долину реки Медведицы, где на противоположном берегу, в станице Зимовейской, бывали, согласно преданиям, знаменитые крестьянские бунтари — Емельян Пугачёв и Степан Разин.

Сама Глазуновская была знаменита на Дону тем, что в ней родился и проживал предтеча Шолохова на писательской ниве — мастер короткого рассказа и первых казачьих повестей, видный политический деятель Государственной Думы Российской империи Михаил Дмитриевич Крюков. Он защищал в ней интересы Усть-Медведицкого округа Донского края. В его дом привело меня известие о «несметном» собрании книг в библиотеке писателя, о котором я почти ничего не знал даже 20 лет назад. Он воевал в рядах белого казачества, почему имя его было в станице табу, книги не издавались, а вспоминают о нём теперь в основном лишь в связи с шизофренической «придумкой» недоброжелателей русской литературы и завистников по части чужой славы. Они доселе рыскают по строчкам «Тихого Дона» в поисках доказательств плагиата Шолохова у соседа по станице Крюкова. Не понимаю у соседа не принято и невозможно у глубоко сочувствующих в чести донцов!

Любовь к чтению у меня, видимо, генетически заложенная черта, ибо никогда и никем не принуждался к чтению насильственно. Согласно семейным преданиям, мой дед по матери, Степан Емельянович Мельников, был юморист, хитроумный выдумщик, изобретатель всяческих неординарных прилад по домашнему хозяйству и страстный любитель чтения. Он частенько будоражил семейство глубокой зимней ночью, несдержанно шумно выражая впечатления от прочитанного с теплотой русской печи, где устраивался спать с керосиновой лампой и зеркалом, усиливающим тусклый свет. Бабушка, говорят, ворчала: «Да что уж ты там такое вычитал, чтобы так хохотать! Покоя от тебя нет ни днем, ни ночью...» Матушка моя, Анна Степановна, не владела грамотой до середины 30-х годов, но успешно освоила её, усердно посещая ликбез. Первые книги прочитаны мне ею. Я до сих пор помню их, люблю и готов при случае, для воспоминания о детских годах, перечитывать — «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона, «Сказки дядюшки Римуса» (очаровательные, полные тонкого юмора повествования о братьях меньших) и суровый роман из жизни шахтеров Франции «Жерминаль» Эмиля Золя.

У деду со стороны отца, Кирилла Семёновича, было три сына. Старший, мой отец Епифан Кириллович, взял на себя землеспашное бремя содействия получения высшего образования младшими братьями — Владимиром и Прокопием. Из них первый был тем, кто формировал общесемейную библиотеку. Она концентрировалась у брата старшего. Книги её стали для меня первым наставляющим на жизнь началом, прежде всего, полагаю, духовно-нравственным, дополняющим и подправляющим «домостроевские» установки донского казачества. Всё это я назвал бы стихийным, искренним, по чистой любви, самообразованием. Склонность к нему стала постоянной, часто вынужденной, ибо, по счастью, пришлось несколько раз менять направление научной деятельности, сходить с пути для археолога понятного и ступать на опасные тропы точных наук, на которых неопытного по этой части гуманитария подстерегали всяческие коварности недопонимания.

Но вернусь к воспоминаниям о книгах, базовой ценности и самого сильного фактора развития ума и обретения знаний. Помню тяжеловесный том собрания сочинений Пушкина, изданный в 1937 г. к юбилею гениального поэта, и многостраничный фолиант литературных трудов русских писателей-проза-

иков, поэтов-драматургов и публицистов, конца XVIII — начала XIX веков. На страницах последнего я прочитывал в школьные лета торжественные оды Ломоносова, Державина и непомерно громоздкие вирши Тредиаковского, стихотворные эпические драмы по мотивам русской истории Сумарокова, назидательного «Недоросля» Фонвизина, стихи и переводы Жуковского и Гнедича, прозу раннего Карамзина (меня трогала душещипательно-сентиментальная и романтическая «Бедная Лиза» и захватывал детективно интригующий «Остров Борнхольм») и даже, помимо басен (думаю, из-за отсутствия на то время в деревне иного чтива), малопонятные выпуски «Почты духов» Крылова.

С особым интересом знакомился с путешествиями в разные уголки Земли. Читал и перечитывал о странствиях Одиссея Гомера, просветительские книжки о плаваниях в неведомые страны Афанасия Никитина и Васко да Гама, об экспедициях Пржевальского и Миклухо-Маклая, беллетризованные записки кого-то из польских писателей «В девственных лесах Амазонки», рассказы о мореплавателях во льды Арктики и Антарктики. Досадовал при чтении фатальных неудач экспедиций Седова, радовался чудесам везения дрейфа странной конструкции корабля «Святой Фока» Нансена. А трагедия похода на Южный полюс Скотта не дает покоя до сих пор несправедливостью судьбы самоотверженного странника.

Всё это сказано, чтобы перейти к разговору об окольных путях жизни и грёзах молодого человека с Дона. Возникла мечта побывать в иных странах, о которых читал. Но как исполнить желанное? В голову пришла наивная для крестьянского сына идея — надо стать дипломатом, что и должно открыть прямой путь в любую, по желанию, страну. Поэтому первый письменный запрос был послан не куда-нибудь, а понимаю теперь, в небесно недоступное для провинциалов учебное заведение — в приёмную комиссию Института международных отношений. Полагаю, что там немало подивились и повеселились, прочитав запрос из колхозно-совхозного края юга России. Однако ж в школу станицы Глазуновской почта исправно доставила увесистый пакет с документами, поясняющими, что ожидает меня. Пришлось навсегда расстаться с первой из детских грёз — меня не прельстила перспектива с головой погрузиться в изучение иностранных языков, до коих я, признаюсь, не был особо охоч.

— А что давала колхозная школа послевоенных времён?

— Школа станицы Глазуновской помогала личностному становлению детей всеми возможными силами и средствами. Тому способствовал превосходный коллектив учителей, сформированный из беженцев оккупированных немцами республик и областей. Они старались раскрыть творческие способности учеников не только в плановые учебные, но и во внеклассные часы, а также по воскресным дням, уделяя особое внимание художественной самодеятельности. В школе часто устраивали для жителей станицы литературно-театральные вечера с чтением стихов и постановками костюмированных сцен по мотивам коротких рассказов и пьес русских писателей. Сами учителя, подавая пример, исполняли, помню, сцены из «Женитьбы» Гоголя. Мне до сих пор кажется, что роль Подколесина лучше, чем кто-либо из актёров столичных театров, сыграл мой всегда немногословный, медлительный, увалистого склада учитель труда. Я умирал от смеха, наблюдая как уморительно, сибаритски возлежал на диване, уклонялся от решительного шага обретения невесты законенный холостяк.

Особо я благодарен Лидии Сергеевне Китициной, словеснику из Подмосквы, кстати, жене известного археолога В.И. Смирнова, репрессированного, как и мой «заговорщик»-дед по отцу, в октябрьские 30-е. Она сдержанно похваливала меня за сочинения и сносно грамотный русский, но поругивала порой за незнание грамматических правил (не любил зубрить каноны, а писал, интуитивно чувствуя текст, слово и гармонию родной речи, за чем скрывалась польза неутраченной страсти чтения). Когда через много-много лет она случайно ознакомилась с одним из творений моего просветительского в популяризации науки пера, то я получил от неё письмо с вопросом: «А не тот ли вы Ларичев, кого я учила литературе в станице Глазуновской?»

Второй учитель, предтеча моих юношеских увлечений — учитель физики и астрономии Петр Леонтьевич Соляник. Он приобрел,

когда я учился в 10-м классе, телескоп Максудова, и до сих пор помню в деталях тот вечер полнолуния, когда впервые довелось взглянуть на ночное светило и какую-то из планет (кажется, на Юпитер и его спутники). Решение созрело немедленно — если уж не суждено стать дипломатом, то буду астрономом. Они ведь, наблюдая полные затмения Солнца, путешествуют по всему миру. А мне, помимо Неба и светил, то и надо. Поэтому опять послал запрос в столицу, на сей раз в МГУ, на факультет, который готовит специалистов по астрономии. Ответ снова поверг меня в уныние — надо в совершенстве владеть точными науками, а с ними у меня проблемы, ибо гуманитарий я до мозга костей.

Эти слова и произнес дядя Владимир Кириллович на семейном совете, где было решено положить конец моим странным для деревни метаниям. По специальности талантливый историк-педагог, он убедил фантазёра, что история для меня подходит более всего. Если так, то лучшее место для получения образования — Ленинградский университет, где преподают высшего класса специалисты, представители ленинградской школы историков, известной масштабностью исследований и мастерством передачи знаний. Это мнение и стало решением родичей, за чем последовал третий запрос, третий ответ и мое первое путешествие через всю страну с юга на север, с Дона — в северную столицу государства, в Ленинград.

Мои университеты

— Значит, все детские грёзы пришлось навсегда оставить?

— А вот, представьте себе, совсем и нет!

Они, к удивлению моему, позже возродились, чудесным образом преобразились, стали явью и в обыденностях жизни и, главное — в науке. Далее последовали причудливые зигзаги капризной и переменчивой в дарении благодати и невзгод Судьбы. Она, видимо, незримо управляет человеком, чуть подправляет в критические моменты жизненный путь, ориентируя своего подопечного в должном направлении. Быть может, даже для решения некоей научной задачи, назревшей к тому моменту и предназначенной лично для тебя?

— Да полно вам, Виталий Епифанович! Это уже пахнет фатализмом и, простите меня, заповедной мистикой.

— Что поделать, наверное, бремя лет начинает сказываться... Однако ж, судите сами: документы абитуриента вне его воли и желания оказываются в приёмной комиссии Восточного факультета ЛГУ, а секретарь её усиленно убеждает учиться на кафедре «История Дальнего Востока» в группе «История Китая». Он завлекательно рисовал перспективы — провозглашена Китайская Народная Республика, Родине нужны специалисты по всем отраслям знаний для налаживания сотрудничества с дружественным государством. Программа обучения сходна с программой Исторического факультета и, более того, значительно превосходит её, поскольку мне будут прочитаны специальные курсы по истории и культурам стран Восточной и Южной Азии, а также Ближнего Востока. В перспективе, по окончании учёбы, возможна работа в Китае, быть может, даже в посольстве!

— Кажется, ты об этом мечтал? — усилил соблазны Владимир Кириллович, который присутствовал при разговоре, и у меня не нашлось резона возражать.

— Но вы, однако, археолог, а не дипломат. Отчего же судьба не свершила желанный «дар», а заманчивая мечта так и осталась в области грёз?

— Жизненный путь подправила на сей раз вовсе не мудрая Судьба, а силы, куда более могущественные — сам товарищ Мао Цзедун, а вместе с ним и родное Министерство образования. Оно тогда, как и ныне, мыслило традиционно — шиворот-навыворот. Вождь великого государства после смерти товарища Сталина стал претендовать на роль всемирного лидера коммунистического движения и развернул затаенную идеологическую перепалку с вождями СССР, а новый «правлящий дом» «Чжунго», «Срединного государства», возмутился, что её, «Поднебесную», евразийский сосед вознамерился изучать как некую «колониальную страну», для чего и принялся готовить специалистов по всем отраслям знаний. Эта сущая нелепица, которая, однако, возымела сильное воздействие на чиновничество (Министерство образования предложило «ненужным» Китаеведам продолжить обучение на любых иных факультетах ЛГУ), окончательно